

Часть 1

Сакута не мог понять, что говорил доктор.

— Мы сделали все что могли. Мои соболезнования.

У Азусагавы не было проблем со слухом или пониманием слов доктора. Мужчина лет сорока, вышедший из операционной, говорил четко и ясно, а его тихий голос в больничной тишине звучал громко.

— Что... вы?..

Его голос был хриплым. Вопрос вырвался сам по себе. Но мужчина в зеленом медицинском халате не ответил. Он и разговаривал-то не с Сакутой.

Все внимание доктора было приковано к длинноволосой женщине лет сорока, одетой в дорогой костюм. Внешне она напоминала Сакуте о девушке, что была на класс старше него. О его девушке. О той, кто значил для него больше кого-либо иного – Май Сакурадзиме.

Точнее говоря, это Май была похожа на эту женщину в дорогом костюме – свою маму. Сакута уже однажды встречался с ней. И факт того, что он запомнил ее лицо с той встречи, говорил об их схожести.

— Значит моя д... Май... Она правда...

Ее слова вылетали поочередно друг за другом. Ее взгляд был прикован к доктору.

— Когда ее привезли к нам, было уже поздно.

Голова Сакуты опустилась так низко, насколько это возможно.

Азусагава не мог осознать эти слова. Хотя он и понимал, что доктор говорил на японском, но смысл сказанного ускользал от него. Его сердце и тело отказывались понять, принять правду.

Все звуки постепенно исчезали. Все, что он слышал – лишь шум в ушах. Доктор продолжал говорить, но ни одно из его слов не достигло Сакуты.

В ушах гудело. Отрезанный от остального мира, Сакута внезапно почувствовал головокружение. Он потерял равновесие, перестав различать перед и зад, верх и низ. Стараясь устоять на ногах, он сфокусировал взгляд на одной точке.

Затем он почувствовал горячую и жгучую боль на своей щеке.

Это чувство вернуло его к реальности. Ему показалось, что он даже услышал эхо пощёчины.

— Верни мне ее!

Послышался крик, искаженный яростью. Он видел боль в глазах кричавшей. Она не проронила ни одной слезинки, но Сакута все равно это понимал.

Звуки от второй и третьей пощечины раздались по коридору. Лишь сейчас Сакута осознал, что больно ему от того, что кто-то бьет его по лицу.

— ...Верни Май обратно!

Еще одна пощечина.

У Сакуты не было ни сил, ни духу, чтобы уклониться. Он пропускал одну пощечину за другой.

— Прошу, успокойтесь.

Врачам и медсестрам пришлось вмешаться и оттащить маму Май.

— Верни ее! Верни мне мою дочь!

Ее крики вонзались в него словно ножи. Он даже почувствовал вкус крови. И ему он не казался - от ее пощечин у него треснула губа.

Медсестра заметила рану, положила руку Сакуте на плечо и сказала: «Давайте проведем осмотр у врача». Она слегка его подтолкнула, явно намекая, что ему следует уйти.

У него не было сил сопротивляться. Он послушно последовал за ней, словно лунатик.

— Верни Май! Верниииии!

Вслед ему кричала горевавшая мать.

Сакута был один в приемной амбулатории. Его губу уже залечили.

— ...

Он сидел на первом кресле пятиместной скамейки.

Свет был выключен, и единственное освещение исходило от зеленого знака выхода.

Это помещение обычно использовалось при большом количестве посетителей, когда сидячих мест не хватало. Однако сейчас была середина ночи – далеко не то время, в которое все идут на осмотр. Повисшая тишина напоминала Сакуте о том времени, когда он в темное время суток пробирался в школу.

Тишину нарушили чьи-то шаги.

Кто-то бежал по коридору.

И тяжело дышал.

В мгновение дистанция между кем-то и Сакутой была сокращена.

Стоило ему заметить блондинистые локоны и знакомый конский хвост, как он сразу же узнал Нодоку Тоёхаму.

Она была айдолом певцом, и недавно выступала на рождественском концерте. По всей видимости Нодока приехала сюда сразу после выступления, даже не сняв макияж и не переодевшись, так как под ее пальто мерцал концертный костюм.

Сакута посмотрел на нее. Ее взгляд был прикован к нему.

— Сакута?!

Шаги прекратились. На ее лице виднелись напряжение и испуг. Она посмотрела на него так, будто молила сказать то, что она надеется услышать.

Сакута сразу понял, что именно Нодока надеется услышать, а потому намеренно отвел взгляд. Надеждам Нодоки не суждено было сбыться. Поэтому он не хотел смотреть ей в глаза.

— ...

— Сакута?.. — ее голос был хриплым.

Он молчал. Ему было нечего сказать.

— Прощу, Сакута...

Она положила ему руки на плечи и начала трясти.

— Поговори со мной!

Нодока затрясла его сильнее.

— Почему ты ничего не говоришь?!

— ...

— Скажи мне, почему!..

Сакута не мог собраться духом, чтобы сказать что-либо. И это послужило ответом для Нодоки.

— ...Это не может быть правдой, — ее голос дрожал. — Не может...

— ...

— Скажи, что это не правда!

В тишине было слышно биение его сердца.

Несмотря на пересохшее горло Сакута заговорил:

— Доктор сказал... Что когда ее привезли, было уже поздно...

Он не мог осознать смысла этих слов. До сих пор. Сакута просто бессмысленно произносил какие-то звуки.

— ...Нет.

Ее голос осел, словно из нее вышел весь воздух.

— Так... сказал доктор.

— Нет!

— Я правда... не понимаю смысла этих слов.

— Моя сестра действительно?!

Она все еще держала его за плечи и трясла.

— ...

— Это должно быть ошибка!

— ...

— Сакута!

— ...

— Это ошибка. Точно ошибка. Скажи мне, что это ошибка!

Когда он, наконец, поднял голову, увидел, как по щекам Нодоки текли слезы. Ее лицо было искажено из-за того, что она плакала.

— Кто-то окликнул меня, — сказал Сакута.

Нодока всхлипывала.

— А затем я оказался на земле.

— ...

— И Май лежала рядом со мной.

Сакута будто нес словесный бред. Его мозг не функционировал. Он не мог думать вообще. Слова вылетали в разную сторону, будто человек, не понимавший, что произошло, описывал увиденное.

— Снег.

— ...

— Он окрасился красным.

— ...

В такой час в больнице ничто не могло прервать его.

— Красным вокруг Май.

Неважно насколько медленно и раздельно он говорил, ничто его не торопило.

Нодока лишь слушала сквозь слёзы.

— Только вокруг нее.

— ...

— Я кричал, но она не отвечала.

— ...

— Май ничего не отвечала. Даже когда я звал ее по имени.

В этот момент страх вернулся с новой силой, и Сакута задрожал. В больнице не было прохладно, но телу стало холодно.

— Скорая помощь приехала, и мы направились сюда. Но Май не заговорила. Не двинулась. Она... не дышала.

Сакута молился богу, чтобы они добрались до больницы как можно быстрее. Это единственное что он мог делать. Надеялся, что, если они приедут быстрее, доктора смогут ее спасти. Он в это верил. Они должны. У него не было ни малейшего сомнения.

— Почему... — прошептала Нодока.

— ...

— Почему...

— ...

— Почему ты не защитил ее?

Заплаканными глазами она посмотрела на него.

— Почему ты не защитил Май?

— ...

— Почему... Почему...

— Я...

— Почему ты не сделал ее счастливой?

— ?!

Сакута придержал рвавшиеся наружу слова. Из-за ее рыданий его разум опустел. Он уже не был уверен, что именно собирался сказать.

— Почему... Почемуууу?

Всхлипывая, Нодока упала на колени. Ничего, кроме как плакать, она больше не могла.

Падая, она удержалась за колено Сакуты.

— Почему...

Она ударила его колено ладонью.

— Почему...

А затем кулаком.

— Почему, почему, почему?!

Снова и снова. Но ему не было больно. Ее удары были слишком слабы, в них и вовсе не было силы. А каждый следующий был еще слабее.

— Почему... Почему?

Ее голос становился все тише. Вскоре Сакута не мог что-либо разобрать в ее словах.

— Прости, я...

Однако слова, которые он хотел сказать, застряли в горле. Последние осколки здравомыслия остановили его.

«Я должен был умереть вместо нее».

Легко было бы это сказать.

Но Сакута не смог.

Тело физически отвергало саму эту мысль.

Он все еще жив благодаря Май.

Он все еще существует благодаря ей.

Он жив, потому что она спасла его.

Какое право он имел сказать что-либо, принижающее ее заслугу.

Он унял всю желчь внутри себя, стиснул зубы, пока тошнотворная волна эмоций не прошла через него. Сакута понимал, что эти чувства никогда не пройдут. От этого было не спастись, что не делай.

Все, что он мог, это ждать, пока пройдет какое-то время.

Больше ничего не оставалось.

Лишь это Сакута понимал.

Сакута не помнил, как ходил куда-либо.

Можно было только догадываться, когда он покинул больницу.

Но до восхода солнца он уже стоял около своей квартиры, доставал ключ из кармана, и открывал дверь.

— Я дома... — сказал он это по привычке. Его голос был сухим и хриплым. Эхо прокатилось по безмолвной квартире.

Ответа не последовало. Он жил вместе с сестрой, Каэдэ, но сейчас она уехала в гости к дедушке и бабушке.

— ...

Однако после того, как Сакута снял обувь, он продолжал ждать ответ. Его не покидала надежда, что тут будет кто-то ещё. Последний месяц вместе с ними жил еще кое-кто... и он привык, что она всегда была рядом.

— ...

Сакута ждал, но ответа не последовало. Он не слышал приглушенных тапочками шагов в коридоре. Никто не вышел ему навстречу.

Той самой приветствующей улыбки больше здесь не было.

— ...Ох. Да, конечно, откуда бы...

Наконец, до него дошло.

Тот случай должен был унести жизнь Сакуты. Как только ему констатировали бы смерть мозга, его сердце было бы пересажено малышке Сёко. Пересадка, в которой она нуждалась. Билет в будущее для старшей Сёко. Но Сакута остался жив.

Не только у Май пропало будущее. Маленькая Сёко потеряла единственный шанс на пересадку... так с чего бы ее будущая версия осталась?

— ...

Дыра в его душе стала еще больше. Зияющая пустота поглощала его изнутри.

— ...Что за?..

Сакута упал на колени посреди входа, будто бы задыхаясь. Он инстинктивно схватил себя за грудь, чувствуя, что что-то не так.

— ?..

Что-то определённо было неправильным. Другим, не как днём ранее. Он вновь прикоснулся к своей груди, и что-то действительно изменилось.

— ...

Полный сомнений, Сакута залез пальцем под рубашку и оттянул ворот футболки вниз.

— !..

Увиденное заставило его застыть. Изменения были очевидны и ошеломляющи. Волна тревоги пронеслась по нему с головы до ног.

— ...Ох. Я был прав.

Если так подумать, то все вставало на свои места. Естественно, это должно было случиться.

Три шрама, будто от когтей, тянущиеся от его правого плеча и до левой части груди...

...полностью пропали.

Не зажили или рассосались. От них не осталось и следа, будто их никогда и не было. Просто невредимая кожа сверху донизу.

После этой перемены в Сакуте умерла последняя мнимая надежда.

Отсутствие шрамов доказывало, что Сёко больше нет. Возможно, оставался маленький шанс, что Сёко сделают пересадку. Но ее старшая версия выжила исключительно потому, что получила сердце Сакуты – так что ее больше не было. Все время она спасала его... но теперь она исчезла. Больше ее нет в этом мире, или же в мире откуда она пришла. Исчезновение шрамов тому подтверждение. То, что Сакута все еще жив, тоже было тому подтверждение.

— Я не смог...

Он не смог никого защитить. Все пропало.

— ...Это ведь сон, верно? — Эти тихие слова вырвались из него.

Увиденное собственными глазами, услышанное собственными ушами, ощущения собственной кожи, собственные мысли в его голове – все это не казалось реальным. Ничто из этого не казалось убедительным. Он ни во что не верил.

Сакута хотел, чтобы все это оказалось сном. Только в таком случае все случившееся имело бы смысл. Столь жестокая и суровая реальность должна быть просто ночным кошмаром.

Когда он проснется утром, окажется, что всего этого не происходило. Только такой исход событий имел бы смысл.

Сакута цеплялся за эту мысль. По крайней мере, в тот момент этот вариант казался наиболее правдоподобным.

Часть 2

Все что он помнил потом, это красное зарево на западе. Холод ночи практически поглотил остатки солнечного света.

Багровый закат смешивался с чернотой ночи, и когда Сакута бросил взгляд в окно, ему показалось, что наступил конец света.

— Может, так было бы и лучше...

После многочасового молчания звук собственного голоса вернул его к реальности. Сакута не помнил, чем занимался. Спал ли он? Или просто сидел? Последнее, что отложилось в памяти – как он пришел домой.

Он сидел на полу, и что-то лежало у него на коленях. Трехцветная кошка. Насуно. Сакута чувствовал ее тепло и мягкую шерсть. Только те части тела, которыми он касался Насуно, казались ему реальными.

Их взгляды пересеклись. Насуно мяукнула.

Наверное, она просила покушать, так как ее не кормили со вчерашнего дня.

Сакута попытался встать, но у него закружилась голова. Он едва не упал, но в последний момент оперся на котацу. Видимо, он сидел неподвижно уже очень долго. Все суставы болели.

Похоже, его силы были на исходе. Как и Насуно, Сакута не ел как минимум сутки. Его мучало

обезвоживание, а тело казалось вялым, словно у него немного повысилась температура.

Сакута аккуратно отпустил котацу и встал. Насуно терлась об его ногу, и он пошёл на кухню, чтобы выполнить ее просьбу.

Он достал пакетик корма из шкафчика и насыпал в миску Насуно. Порция в этот раз была немного больше обычного. Кошка оторвалась от его ног и начала есть.

Сакута погладил ее по спине. Шерстка была мягкой. Его ладонь почувствовала тепло. И ничего более. Больше не было того уюта. Он не испытывал тягу к этому обыденному для него ощущению как в любой другой зимний день.

Эти ощущения не достигали его сердца.

В его душе была пустота, ему было все равно на весь мир.

Внутри него не было абсолютно ничего. Сакута даже не был уверен, что именно он это чувствует.

Он гладил кошку еще какое-то время, а затем услышал какой-то шум. Зазвонил домофон.

Его тело никак не отреагировало. А вот Насуно перестала есть и посмотрела в сторону шума.

— ...Не заперто, — послышался голос издалека. Нет, он был не далеко. Сакута просто не мог точно определить. Хотя, честно говоря, ему было все равно.

— Куними, мы не можем просто так войти...

— Сакута! Ты здесь? Я вхожу.

Он услышал две пары шагов. Одна пара топала по коридору, другая же следовала за ними словно маленькая рысь. Они прошли по коридору в гостиную.

— Сакута.

— Азусагава...

Гости увидели, как он сидит на коленях около Насуно, и окликнули его. Голоса были знакомыми, Сакута их где-то слышал.

Азусагава посмотрел в их сторону. В глазах было мутно. Он видел, как над ним стояли две человеческие фигуры. Высокий парень, Юма Куними, и невысокая девушка в очках, Рио Футаба.

Это были его друзья.

Юма взглянул на него и почувствовал облегчение. Вскоре оно сменилось на печаль. Словно он едва держал себя в руках.

— Что-то случилось? — рассеяно спросил Сакута.

— ...Мы видели новости. О несчастном случае, — сказала Рио.

— Мы волновались. Целый день пытались дозвониться до тебя, — добавил Юма.

— Ох.

Сакута взглянул на телефон, на автоответчике мигала лампочка. Были пропущенные сообщения.

Насуно не заинтересовалась гостями, а потому продолжила есть. Сакута же встал и подошел к телефону.

Он нажал на кнопку рядом с мигающей лампочкой.

— У вас четыре пропущенных сообщения, — озвучил голос автоответчика официальным тоном.

Первое было оставлено утром, в 07:03. Оно было от отца, с которым они все еще не живут вместе. Он спокойно объяснил, что видел новости, и потому волнуется. Сакута слышал, как Казэд на заднем плане пыталась выбить шанс пообщаться с ним.

Их отец, по всей видимости, передал ей телефон.

— Сакута, это не правда, да? Этого не могло случиться... Только не с Май!

Казэд была подавлена. Вполне очевидно, что ей не хотелось верить новостям. Она продолжала говорить, пока эмоции не переполнили ее. Его сестра замолчала и разрыдалась. Она всхлипывала и шмыгала носом словно ребенок, закатывающий истерику.

Минуту спустя, их отец забрал трубку.

— Сакута, когда услышишь это сообщение, перезвони нам. Неважно, что ты скажешь, позволь нам услышать тебя. Мы ждем.

На этом сообщение заканчивалось. Отец ни разу не спросил о том, в порядке ли Сакута. Все потому что он прекрасно понимал, что нет. Этот мужчина был из тех, кто не задает лишние вопросы.

Второе сообщение было оставлено в 10:11. От Рио.

— Азусагва, ты где? — спросила она, явно подавляя свои эмоции. — Куними и я переживаем за тебя. Мы придем к тебе позже.

Третье было оставлено через минуту после второго. От Юмы.

— Сакута? Я знаю, что Футаба уже звонила, но я хочу сказать, что мы идем. Так что если что-то понадобится, то дай знать. И на случай, если ты вдруг захочешь поговорить о чем-либо - звони.

Четвертое сообщение было оставлено днем, в 14:32.

Этот голос он узнал тоже. Это была первогодка из его школы, работавшая с ним в одном ресторане - Томоэ Кога.

— Это Кога. Семпай... ты можешь, мне выговорится. Не знаю, смогу ли тебе чем-то помочь, но... я могу тебя выслушать.

Чем больше она говорила, тем менее спокойным становился ее голос. Беспокойство Коги было очень очевидно. Сакуте казалось, что она была готова заплакать.

— Я перезвоню позже. Поговорим, если у тебя будет настрой.

К концу сообщения казалось, что у нее заложен нос.

— Сообщения закончились, — сказал автоответчик.

На гостиную опустилась гробовая тишина.

Все это время Сакута паялся на кнопку. Он нажал ее вновь. Прозвучало всего четыре сообщения, хотя в истории их было гораздо больше. Десять штук. Половина пришла с отцовского номера. Остальные от Юмы и Рио.

— Простите, — сказал он. — Я заставил вас всех переживать за меня.

Он сказал это не осознанно. Его слова не шли от сердца. Это была просто автоматическая реакция на данную ситуацию.

Юма крепко схватил Сакуту за руку.

— Прекращай тупить. Пошли.

Он потащил Сакуту к двери.

— Пошли куда?

— В сети гуляет куча фото и видео того несчастного случая, — сказала Рио. — И ты засветился на большинстве из них.

— Ох.

Сакута звучал убежденным, хоть его мозг особо и не раздумывал ни над чем. Не важно, что они ему говорили, до его сердца ничего не доходило. Он уже перестал прилагать какие-либо усилия, чтобы думать.

— Все говорят, что Сакурадзима была на свидании со своим парнем, когда это произошло, — сказал Юма, яростно смотря в пол, — Они обвиняют тебя в этом.

— Какое-то время поживешь у меня, Азусагава. Скоро сюда нагрянут СМИ, — похоже, Рио не собиралась принимать отказ.

— ...Хорошо.

Еще один ответ, который Сакута дал бессознательно.

У него не было сил спорить.

Он утратил все желание думать за себя и отказываться.

Сакута просто выбирал тот путь, который казался самым простым, и плыл по течению.

— Но мне стоит перезвонить Коге и Каэдэ...

Последний осколок сознания вытянул из него эти слова.

— Я поговорю с Когой, — сказал Юма.

Он приложил телефон к уху. Должно быть она сразу ответила.

— Кога, это Куними. Да, мы у него дома. Не беспокойся, он с нами. Угу.

Он отошел, продолжая говорить.

Рио погрузила Насуно в переноску для кошек, а кошачий корм и миску положила себе в сумку.

Затем она сказала: «Я буду в твоей комнате», — и, не ожидая ответа, исчезла.

Через несколько минут она вернулась с большой сумкой, набитой одеждой.

Рио какое-то время жила у него летом и, видимо, хорошо запомнила, где что находится.

— Позвонишь семье по дороге, — сказал Юма, заканчивая звонок. Он положил телефон в карман, взял клетку Насуно и пакет с кошачьими вещами.

— Пойдем.

Юма кивнул в сторону двери. Сакута последовал за ним так, словно кто-то дергал его за ниточки.

В момент, когда парни обувались, Рио сходила и проверила, все ли окна закрыты.

Она взяла ключ от двери у Сакуты, пока Юма выводил его в коридор.

Небо было темным.

Ночь уже наступила.

Часть 3

«Не беспокойся, мои родители вернутся только после Нового года», — сказала Рио, когда они приехали к ней.

Она сказала правду, так как следующие несколько дней никто не появлялся.

Ее отец работал в больнице университета, а потому снимал номер неподалеку от него. Мать же была директором магазина импортной одежды, потому часто уезжала в командировки в Европу, чтобы привезти новый товар.

Поэтому Сакута мог остаться у Рио и не беспокоиться, что кто-то узнает. Все то время, проведенное у нее, он был словно в оцепенении.

Единственное, что он смог сделать – позвонить отцу и Каэдэ. Сакута объяснил, где сейчас живет, и сказал, что рядом с квартирой может твориться кошмар, а потому Каэдэ лучше не появляться там и пожить с бабушкой и дедушкой. Все это время Рио стояла рядом и напоминала о том, что ему надо сказать.

И они поверили ему на слово.

Опасения его друзей были не напрасны, так как на следующий день около дома Сакуты стояло несколько новостных фургонов. Юма ходил проверять.

— Они могут простоять несколько недель, — сказал он, зайдя проведать Сакуту.

Сакута сидел в углу огромной гостиной и слушал так, будто это не его проблема. Он сидел на ковре и рассеяно смотрел в окно. Большинство времени с момента прибытия Азусагава провел именно так. Ему казалось бессмысленным сидеть где-то еще.

Сакута перестал различать где сон, а где реальность. Может он вообще не спал. Лишь смотрел в никуда, иногда реагируя на внешние раздражители. В те краткие моменты, остатки его сознания напоминали ему его имя и отрывки его личности.

Остальную часть времени Сакута проводил словно во сне, в ловушке вымышленного мира, где каждый знает свою роль, и только он сидит с краю и ничего не делает.

Все казалось фальшивым. Не было ни единой части мира, которая могла быть настоящей.

Рио не пыталась его подбодрить. Она не трогала его по пустякам. Просто говорила о обыденных вещах.

— Азусагава, хочешь пообедать?

— Ванна готова. Иди первым.

— Может быть, тебе стоит немного полежать.

— Похоже, что завтра будет хорошая погода.

Даже если он не отвечал, она не меняла своего отношения. Рио ни разу не рассердилась на него, просто старалась быть рядом с ним.

Она взялась за не самую приятную работу.

Ночь двадцать седьмого. После ужина.

— Сегодня были поминки Май, но только для семьи, — сказала Рио с мрачным видом. — Завтра в городском похоронном бюро состоятся общие похороны.

— ...

Сакута не был в состоянии ответить. Лишь его плечи иногда подергивались.

— Школа организовала поездку туда.

— ...

— Я поеду с Куними.

— ...

Рио колебалась, но все же спросила:

— Ты поедешь?

Она посчитала, что для него размышление над этим может стать важным, как бы тяжело ей не было это сказать.

— Я... Нет.

Сакута уже давно ничего не говорил. Но эти слова звучали так, будто были сказаны не им. Голос казался роботизированным, без капли эмоций.

— Хорошо. Наверное, там будет много ее коллег по работе, так что и камер, скорее всего, будет много...

Но не по этой причине он ответил «нет». Сакута предполагал, что Рио знает. Так как Рио действительно понимала причину, она сказала другую, аккуратно обойдя настоящую стороной.

— Но ты... — начала она, но затем замолчала. — Не бери в голову.

— ...

— ...

Какое-то время она стояла рядом, ничего не говоря.

28 Декабря. Утро похорон Май. На улице холодно и облачно. Слой за слоем густые облака закрывали солнце.

Юма, уже одетый в школьную форму, пришел за Рио после полудня. Рио тоже надела свою форму. Хотя Сакута и привык видеть их в таком виде, но это казалось ему неправильным. Вероятно, не смотря на все произошедшее, он помнил, что сейчас зимние каникулы.

— Эм, Азусагава... — сказала Рио перед уходом.

— ...

В конце концов, она решила не заканчивать свою мысль. Как и прошлой ночью. Единственное отличие, что она, хоть и колебалась, но все же решила попробовать еще раз.

— Азусагава...

Но Сакута заговорил, перебив ее.

— Будь осторожна.

Он выбрал фразу, которая явно давала понять, что он не идет. Сакута сказал эти слова так, будто закрывал уши, так как не хотел слышать, что ему скажут в ответ.

Азусагава смотрел им вслед, чувствуя некоторое облегчение.

Когда они вышли из его поля зрения, он закрыл дверь и сразу же вернулся на свое место в гостиной.

— ...

Сакута понимал, что хотела сказать Рио. Потихоньку в его сердце возвращались чувства. Чем больше времени проходило, тем реальней для него становился мир. Поэтому он и мог предположить, что хотела сказать Рио.

«Тебе следует попрощаться».

Что-то вроде этого.

Даже мысль об этом пронзала его мозг, словно противный визг. Она была физически отвратительна. Казалось, будто у него закипала кровь. Ему было тяжело дышать. Он чувствовал подступающую к горлу желчь, пока изнутри его что-то поедало.

Будто пытаясь это отвергнуть, Сакута закричал:

— Я не хочу!..

Он кричал, чтоб защитить себя.

— Какого черта я должен?!

Отвержение этой мысли помогало сдерживать эмоции, которые могли захлестнуть его. Сакута сел на корточки и свернулся клубком, будто еще сильнее пытаясь спрятаться в свою раковину.

Он втянул плечи, шею, спину и колени. Даже пальцы были согнуты в кулак, да настолько сильно, что ладонь начала болеть. Ногти впились в нее, оставив красные следы.

Это был единственный способ противостоять той боли, которая обрушилась на него. Он сидел так, терпя, пока не прошло какое-то время. Секунды, минуты, может быть часы.

Из его горла вырвался неразборчивый стон.

— Это я должен был...

«...Погибнуть в той аварии».

На полуслове его прервал женский голос.

— Здесь проходят ее похороны.

Голос не был громок. На уровне того, которым обсуждают что-то в библиотеке.

Звук шел от телевизора в гостиной. Насуно играла с пультом от него.

— Стой...

Сакута отобрал его у кошки. Он потянулся к зелёной кнопке, чтобы выключить телевизор, но... не нажал ее. Не смог.

Девушка, которую он хотел увидеть больше всего, была на экране.

— В этот дождливый день толпа людей собралась, чтобы почтить память Май Сакурадзимы.

Как только репортерша сказала это, камера показала маму Май, держащую ее памятное фото. Глаза Сакуты замерли на лице Май.

Бесчисленное количество цветов лежало около ее стенда. Белых цветов. Сакута не знал, как они назывались.

Камера отдалилась назад, показав все место проведения. И все это огромное пространство ряд за рядом заполняли скорбящие люди. Казалось, что сюда пришло несколько тысяч человек.

К стенду подошел мужчина в похоронном костюме. Это был известный режиссер, которого даже Сакута узнал с первого раза.

— Май Сакурадзима. Май... Я могу звать тебя по имени, но ты больше никогда не повернешься ко мне с улыбкой на лице. Мы расстались, с нетерпением ожидая следующей совместной работы, и мне не описать ту боль, которую я испытываю из-за того, что мы встретились именно так. Мы познакомились, когда тебе было всего шесть лет. Но уже тогда ты была актрисой. Я никогда этого не забуду.

Он продолжал прерываться, борясь с наполняющими его эмоциями. Ему было за шестьдесят, однако все равно голос подавлялся слезами. К концу речи они уже текли по его щекам. Он не хотел прощаться. Это говорила каждая частичка его тела.

И плакал не только режиссер.

Весь зал был переполнен горем от этой неожиданной и слишком ранней потери. Невозможно было найти хоть какое-либо утешение. Это было понятно даже через экран телевизора.

Следующей с речью выступила актриса, считавшаяся ветераном в своей профессии, которая

играла роль матери Май в утреннем сериале, когда та была еще ребенком. Когда она добралась до микрофона, то уже была вся в слезах, и говорить что-либо в тот момент не могла.

Коллеги подбежали, чтобы помочь ей. Каждый плакал, прощаясь с Май.

Сакута будто смотрел фильм.

Пытался убедить себя, что происходящее по ту сторону экрана никак к нему не относится.

После некоторого времени трансляция вернулась с места церемонии похорон в студию.

Ведущим был мужчина лет сорока. Он внимательно наблюдал за тем, что показывали на экране. Рядом с ним сидела женщина – соведущая, и ряд культурных комментаторов и бывших политиков. Все они молча наблюдали за происходящим, не в состоянии подобрать слова.

Ведущий тихо вздохнул. Камера уловила, как к его глазам подступали слезы. Он глубоко выдохнул, повернулся к камере и начал говорить.

— Я знаю, что большинство из вас в курсе, но четыре дня назад, двадцать четвертого декабря, Май Сакурадзима скончалась в автокатастрофе. Она работала актрисой с самого раннего детства и погибла в возрасте всего восемнадцати лет.

Затем продолжила соведущая.

— Первую славу Май Сакурадзиму принесли съемки в утренней драме Коконоэ. Она заслуживала похвалу своей прекрасной актерской игрой и вскоре начала сниматься во многих фильмах и телешоу. Уверена, что все наши зрители знали ее.

— Ее имя было у всех на слуху, — согласился один из участвующих.

— Да, именно так, — согласилась соведущая, кивнув. В этот момент, Сакута наконец-то узнал ее – это была репортерша Фумика Нандзё, с которой он встречался несколько раз до этого. Обычно она носит яркую одежду, но сегодня по случаю на ней были темно-синие тона. — Наши репортажи подтверждают, что ее, без сомнений, обожали как коллеги по работе, так и фанаты.

— Это верно, — подтвердил ведущий. — Честно говоря, я встречался с Май для съемок другого шоу, пока та снималась для своего последнего фильма. Это было за несколько дней до несчастного случая. Мы тогда были в Канадзаве, префектуре Исикава...

Ведущий остановился, поднял взгляд и несколько раз моргнул. Затем закрыл глаза пальцами, словно борясь с чем-то. Почувствовав на себе взгляд Фумики, он сказал: «Я в порядке», — и пришел в себя.

— Приношу свои извинения. Она действительно была... Прекрасной молодой девушкой, — продолжил он. — Изначально это видео было предназначено для другой программы, но я думаю, что мы поменяем планы и покажем его сейчас вместе с основными моментами из карьеры актрисы Май Сакурадзимы. Вы не против?

После этих слов экран затемнился.

Затем появилась вырезка из утреннего шоу, которое сделало Май Сакурадзиму известной. На ней ей было шесть лет, а на ее лице сияла улыбка от уха до уха. Уже тогда ее актерское мастерство затмевало игру взрослых. Она была озорной, но никогда никого не раздражала. Люди не могли не любить ее за это.

В расцвет своей карьеры актрисы-ребенка она постоянно сохраняла самообладание на интервью со взрослыми, чего точно нельзя было ожидать от ученицы начальной школы.

Однажды среди матерей Японии провели опрос, и в рейтинге детей-актеров, которых они хотели бы видеть в роли своего ребенка, с большим отрывом победила Май. Когда ее спросили об этом, она пошутила: «Ну теперь мне точно нельзя слишком озорничать». Все взрослые в тот момент рассмеялись.

Следующий клип сделал большой прыжок во времени.

Несколько лет спустя, когда Май уже училась в средней школе. Ее лицо повзрослело, не оставив следа маленькой актрисы.

Сцена была из фильма ужасов, который Сакута однажды смотрел. Май играла загадочную и хрупкую девушку. На кадрах закулисья режиссер говорил: «Ей достаточно одних глаз, чтоб улыбнуться».

И это было правдой. Сцена за сценой, и Май очаровывала зрителей одним своим взглядом. Этот фильм положил начало второму этапу карьеры Май.

Были также кадры из жизни Май до того, как они встретились с Сакутой. Тогда он знал ее лишь как известную актрису.

Другие клипы показывали ее, когда она начала работать фотомodelью. Первые фотоальбомы с ней раскупили моментально.

Потом Май шокировала мир объявлением о том, что берет перерыв.

Вернулась к работе она лишь в этом году.

Май снималась в телешоу, фильмах, рекламе, работала моделью, и все думали, что это только начало великого будущего.

Далее стали показывать клипы, снятые за несколько дней до трагедии. Они начинались с Май, которая радовалась воссоединению с некоторыми знакомыми жителями Канадзавы.

— Ох, Май! Не думала, что мы так скоро увидимся! — сказала полная женщина, владевшая чайной лавкой, с теплой и дружелюбной улыбкой.

— Я знаю! — из-за следующих ее объяснений, рядом стоящий мужчина смутился. — Обычно, подобное мы снимаем ближе к выходу фильма, делая своего рода ностальгическое путешествие, но в этот раз не прошло месяца, и мы вновь здесь.

— Извините, — сказал мужчина. Это был тот же ведущий, что сейчас вел новости. — Нам сказали, что это единственное свободное время в вашем расписании. Конечно же наши сотрудники ухватились за возможность записать такой видеоматериал.

Не теряя ни секунды, он сказал, что это персонал ответственен за выбор столь неудобного время. Май и ведущий готовились к съемкам в чайном домике.

Обычно подобные сцены не проходили редакцию, но на этот раз режиссеры решили использовать все материалы, что у них были. Была даже видеозапись, где они обсуждали, кто где будет сидеть. Здесь показали естественное состояние Май, с присущей ей искренней улыбкой.

Наконец они сели, оказавшись, лицом друг к другу.

— Вы часто сюда приходите во время съемок?

— Минимум три раза в неделю.

— Так часто?

— Директор большой сладкоежка. Ему очень нравится здешний аммицу* с зеленым чаем, но застенчивость не позволяет ему приходить сюда одному, так что он всегда приглашает меня под предлогом составления ему компании, — Май счастливо рассмеялась. — Потому я заставляю его оплачивать счет.

[П/П: Аммицу – традиционный холодный японский десерт.]

— Кстати о сладостях, походу, для нас есть угощение.

Полная женщина принесла тот самый аммицу. Для Май обычную порцию, а для ведущего чашу, в которой обычно подают рамен.

Когда он с удивлением посмотрел на Май, она сказала:

— Большой размер. Любимый у директора.

Они начали есть, продолжая разговор.

— Прошло несколько месяцев после вашего возвращения к работе. Чувствуете, чтобы что-то изменилось?

— Думаю, у меня появилось больше желания работать, и я стала больше этим наслаждаться.

— То есть раньше вы этим не наслаждались?

— Я не это имела... Вы и так знаете, что наслаждалась! Просто тогда я не могла расслабиться и насладиться работой так, как могу сейчас. Я слишком сильно на себя давила.

Май задумалась на минуту.

— Думаю, прошло достаточно времени. Причиной моего стресса были вечные ссоры с матерью, которая по совместительству еще и мой менеджер. Теперь же я ей благодарна. Лишь благодаря ее упорному труду я получила такую жизнь и повстречала кучу прекрасных людей.

— Что насчет твоей матери?

— Не хочу признаваться ей в этом лицом к лицу, потому... Так тоже сойдет, — сказала Май, намеренно поворачиваясь к камере.

— Посмотрим, что об этом думает режиссер, — со смехом сказал ведущий. — Кстати о твоём новом способе расслабиться...

— А?

— Как думаешь, ты стала больше наслаждаться работой, потому что в твоей жизни появилось что-то новое?

Это был наводящий вопрос, и Май впиалась в режиссера взглядом. Но он уже успел отвести взгляд, еще когда задавал этот вопрос.

— Я имею в виду, есть ли что-то еще? Думаю, ты понимаешь меня, верно? — спросил он, чуть ли не подмигивая. — Конечно же кто-то особенный!

Май склонила голову, внезапно став очень официальной.

— В последнее время я доставила всем проблем, — сказала она. Новость о парне Май Сакурадзимы вызвала ажиотаж в СМИ. Шоу, которое вел этот ведущий, освещало эту новость в мельчайших деталях.

— Не вините нас за то, что мы делаем свою работу, — сказал ведущий.

— Конечно не буду, — заверила его Май. Она вежливо улыбнулась, но не более.

Обычно на этом закрывают тему. Мало кто осмелился бы задавать вопросы под угрозой гнева Май.

Но этого ведущего просто так было не остановить.

— Как ты думаешь, появление такого особого человека изменило тебя? — спросил он.

Май решила не уворачиваться от вопроса и ответила:

— Думаю, что на самом деле проблем стало больше.

— Хм? Как так?

— Я говорила об этом еще на пресс-конференции. Для меня такое впервые, так что... я не всегда уверена в себе.

— Серьезно? Май, я уверен, что ты крутишь им, как хочешь.

— У вас странные представления обо мне.

— Ты потрясающая актриса, которая еще красивее вживую. Думаю, не один считаю, что он во всем слушается тебя.

— Так и есть.

— Как я и думал!

— Но я думаю, что люблю его больше, чем кто-либо.

Она спокойно сказала это... но момент спустя покраснела.

— Что?

Ведущий чуть не подавился, в последний момент закашляв. Май же успокоилась и откинулась на спинку стула. И, будто вспомнив о камерах, повернулась к ним.

— Обязательно используйте этот материал, — сказала она. Скорее всего эти слова были адресованы режиссеру, сидящему за кадром.

На ее лице была искренняя улыбка.

Улыбка, полная жизни.

После этих слов экран стал белым.

Просто белым.

На нем появились слова в память о Май, а затем он стал черным.

Черным, будто Сакута выключил телевизор.

Затем он увидел плачущее лицо.

Это был не актер.

И не реклама.

Экран по-прежнему был черным.

Он понимал, что лицо смотрело на него.

Как это было не понять?

Ведь это было его отражение.

Слезы из глаз текли по его щекам.

И тихо капали ему на колени.

С момента несчастного случая он не проронил ни слезинки. Ни в больнице, ни после того, как доктор рассказал о результатах операции. Ни одной, даже когда мать Май била его, или когда Нодока рыдала. Даже наедине с самим собой Сакута не плакал. Он не мог.

Лишь через четыре дня эти эмоции дошли до него.

Лишь сейчас он их почувствовал.

При виде естественно ведущей себя Май ему пришлось принять правду. У него не было выбора, кроме как принять всю ценность тех моментов, и то, что их никогда больше не будет.

Ему наконец пришло осознание того, что он пытался отвергнуть.

— «Мы сделали все что могли. Мои соболезнования».

Еще после слов доктора Сакута все понял. Это понимание было внутри него все время. Он знал, что оно пыталось вырваться из него.

Он знал, как это называется.

Сакута знал.

Все знали.

Каждый человек знал.

Это было горе.

Оно медленно росло и давило на него.

Он пытался его не замечать, но оно тянулось к нему и угрожало поглотить.

А потому Сакута закричал изо всех сил.

— Отвали!

Он вскочил на ноги и отвернулся. Закрыв уши, пытаясь не слышать его. Но этого было

недостаточно. Сакута выбежал из гостиной в зал, споткнулся в прихожей, надел ботинки и выскочил за дверь.

Он не был готов столкнуться лицом к лицу с этим горем. Не мог даже принять его существование. О том, чтобы самостоятельно справиться с ним, и речи не шло.

Принять его значило принять смерть Май. Отрицая свое горе, он пытался опровергнуть факт ее смерти. Желал избавиться от существования того факта, что она умерла.

Ему надо было бежать.

Так далеко, как он мог.

Подальше от дома Рио, от ее района.

По краям дороги все еще лежал снег.

Снег, что выпал в тот день.

Это пробудило те воспоминания, и в его груди пронеслась буря.

Бессловесный хрип вырвался из него.

Сакута вытер слезы и побежал, пытаясь убраться подальше от горя.

Его дыхание сбивалось.

Его легкие ныли.

Его ноги подкашивало.

Но Сакута продолжал бежать так быстро, как только мог.

Если горе настигнет его, всему будет конец.

Если оно поймает его, Май уйдет навсегда.

Лишь эта вера вела его вперед.

Пока он не принял ее смерть, Май была жива.

Так Сакута хотел думать.

Больше всего на свете он хотел, чтобы это было правдой.

Ему оставалось лишь цепляться за это заблуждение. Иного выбора не было. Он должен был защищать эту мысль всеми способами.

Но он знал, что это было не правдой.

И из-за того, что он знал, ему надо было отвергать это.

И из-за того, что он знал, ему надо было бежать.

Ноги увязли в песке, и он упал. Но берег смягчил падение.

Сакута ничего не помнил о пробежке. Но он узнал эти волны, этот соленый запах морского бриза.

Открыв глаза, он понял, что оказался на пляже Шичиригахاما.

Он гулял здесь вместе с Май. Видел этот пляж через окно каждый день. С этим песком было связано много его воспоминаний.

— ...

Слезы, которые он перебарывал, потекли вновь.

Ему надо было уходить, но Сакута слишком устал, чтобы встать. Слишком измотался. Он пытался вдохнуть воздух ртом. Но, видимо, это не особо помогало.

Он был унижительно ужасно опечален.

— ...Помогите, — прохрипел он. Его голос переполняли чистые эмоции. — Кто-нибудь...

Он дрожал от холода. Был конец декабря, из-за холодного морского бриза Сакута продрог до костей. На нем была его спортивная олимпийка. Она была слишком тонкой, чтобы его согреть.

— Кто-нибудь, спасите Май!

Не обращая внимания на мороз, Сакута кричал на океан.

— Прошу!

Умолял.

— Спасите ее!

Разрывал голос своим криком.

— Сделаю все что угодно! Только спасите Май! Спасите ее! Прошу... Прошу!

Но никто не ответил. Никто не пришел.

— Спасите ее... Помогите ей... Молю...

Он знал, что никто не исполнит его желание.

Но Сакута мог лишь желать.

— Я... Я сделаю все! Только верните мне Май!

Горе настигло и начало душить Сакуту. Оно обхватывало его все крепче и утягивало в водоворот тьмы, сокрушая его сердце.

Он все потерял. Сакута чувствовал, как он раскалывается.

Изнутри на кусочки.

Оставляя лишь оболочку.

Без единого луча надежды.

Оставалось лишь отчаяние.

Но со временем и оно исчезло.

Однако он слышал звуки.

Звуки шагов по песку.

Они приблизились к нему и прекратились возле него.

— Встань, Сакута, — сказал мягкий голос.

— ...

Сперва он не поверил своим ушам.

— Спасти Май твоя задача.

Это не могло быть реальностью.

— И ты знаешь, что я права.

Невозможно. Этого не могло быть.

Но его подсознание понимало правду, и несмотря на усталость, Сакута поднял голову.

Ее платье развивалось на ветру.

Ее улыбка излучала тепло.

— ...Как?

Но ветер заглушил слова, которые он прошептал.

— Как ты здесь оказалась, Сёко?

Он не понимал. Это была бессмыслица, но его тело задрожало. Не от холода или горя. От того, что старшая Сёко стояла перед ним. Этот простой факт заставил его тело трепетать от радости. Из глаз вновь полились слезы.

— Ох! Значит, ты ещё не знаешь.

— Не знаю что?..

Чтобы маленькая Сёко выжила, ей должны были сделать пересадку. Сакута должен был стать донором, но он не умер. Он думал, что это уничтожит будущее Сёко тоже... Но она стояла перед ним. Все еще существовала.

— Теперь здесь... — она положила руки на грудь, будто прикрывая что-то ценное. — Бьется сердце Май.

— ?!

— Об этом не было сказано официально. В день аварии по счастливой случайности Май стала моим донором.

— ...Май твой...

— Да.

— У нее тоже была с собой донорская карта?

— Да, — ответила Сёко.

— Но тогда... будущее изменилось?

На самом деле это должно было быть сердце Сакуты.

— ...

Она не ответила на этот вопрос. Вряд ли она может. Если эта Сёко появилась благодаря сердцу Май, то она отличается от той Сёко, появившейся благодаря сердцу Сакуты, а это значит, что она прожила другую жизнь.

Мог ли он назвать их одним человеком? Но прежде, чем Сакута успел спросить ее, Сёко сказала нечто невероятное.

— Пойдем. Мы должны спасти Май.

— Пойдем куда?

— Очевидно ведь! В прошлое!

— ...Мы...

Но до того, как он сказал «не можем», она сказала «можем».

Сёко посмотрела ему прямо в глаза.

— Напомнить, с кем ты сейчас разговариваешь, Сакута?

Неудивительно, что Сёко считает это забавным. Ведь она права. Ее появление здесь подтверждает, что какой-нибудь способ путешествовать во времени да существует. То, что она сейчас тут, доказывает, что это возможно.

— Не волнуйся. Предоставь это мне.

Она протянула руку с таким видом, словно только что придумала самую смешную шутку в своей жизни.

Сакута помотал головой.

И встал собственными силами.

— Вот теперь ты больше похож на того Сакуту, которого я знаю!

Он вытер слёзы.

— А теперь иди за мной, — сказала Сёко.

И она улыбнулась так, словно была полностью удовлетворена.

Часть 4

У него было много вопросов к Сёко.

Или, по крайней мере, Сакуте так казалось.

Но стоило ему попытаться их задать, ничего не выходило.

— ...

Не в состоянии нарушить тишину, он просто смотрел ей в спину.

Они шли вдоль пляжа Шичиригахана несколько минут. Потом Сёко с берега перешла на лестничную площадку. Сакута следовал за ней вдоль прибрежной дороги, по шоссе 134.

Она нажала кнопку на светофоре, и они стали ждать зеленый свет. Одинаковое количество машин ехало как с Камакуры, так и с Фудзисавы. Этот поток со свистом проносился мимо них.

Наконец, на светофоре загорелся зеленый свет. Сёко пошла впереди, а Сакута следовал в трех шагах от нее.

— Не возражаешь, если я зайду в магазин? — спросила Сёко, уже повернувшись в сторону входа. Сакута подождал снаружи. Спустя минуту Сёко вышла с пакетом в руках.

Оттуда они направились вверх по пологому склону и перешли единственную дорогу.

— Пришли, — сказала Сёко, смотря на большое здание.

— ...

Сакута остановился рядом с ней, место казалось ему знакомым. Он видел его каждый день.

Они стояли перед воротами старшей школы Минегахары.

— Океюшки! — сказала Сёко. Сакута просто стоял, пока она открывала ворота.

Сёко открыла их достаточно широко, чтобы мог пройти человек, затем сказала: «Идем», — и ступила на территорию школы, будто не делая ничего плохого.

— ...

Не в состоянии собраться с силами, чтобы остановить ее, Сакута последовал за ней.

— Не бойся, все будет хорошо.

— ...

— Сегодня похороны Май, так что в школе никого не будет.

Сакута не спрашивал, но Сёко ответила.

— И даже если кто-то нас здесь увидит, то ничего страшного, так как ты здесь учишься! А я окончила эту школу. Наше присутствие не вызовет проблем.

Она казалась действительно уверенной в себе.

Сёко сказала это так, словно она сдала вступительные экзамены в Минегахару, училась здесь, и окончила эту школу. Но все это произошло в будущем. В настоящем ничего из этого еще не случилось.

Если их здесь кто-то поймает, и она скажет что-то подобное, то станет лишь более подозрительной.

Он был уверен, что она понимает это, но Сёко не казалась обеспокоенной. Она смотрела вперед и направлялась напрямик к своей цели. Сакута все еще не понимал, куда они идут. Но через минуту стало ясно, что их точка назначения находится внутри здания.

Они обошли здание и вошли во двор. Затем Сёко открыла окно научного клуба и залезла через него вовнутрь. Рио когда-то рассказывала Сакуте, что у одного из окон сломан замок.

Неся свою обувь в руках, они пошли по пустым коридорам.

Свет был выключен.

Небольшое его количество просачивалось снаружи, но настолько мало, что красная лампа пожарной тревоги казалась ненатурально яркой.

Было тревожно. Неуютно. Привычные коридоры, по которым Сакута ходил каждый день, казались ужасно незнакомыми. А из-за того, что Сёко шла перед ним на расстоянии трех шагов, эти чувства лишь усиливались.

Одна его половина считала, что он все еще спит.

Ему было сложно поверить, что Сёко настоящая.

Вторая же понимала, что все это реально.

Его чувства не поспевали. Его эмоции отставали от сознания. На три шага. Как и он отставал от Сёко.

Он бы догнал ее, если бы попытался. Сёко шла медленно. Сократить дистанцию было легко.

Но Сакута не сокращал. Не мог.

— ...

Он боялся, что стоит ему отвести от нее взгляд, как она исчезнет.

Поэтому он просто следовал за ней, строго смотря ей в спину.

Их шаги отдавались эхом. Сакута не знал, куда они идут. Он лишь следовал за ней, как ребенок за дудочником в сказке.

Прогулка длилась не долго.

Сакута остановился как вкопанный. Сознательно, не случайно.

Сёко остановилась, а потому и он тоже.

— Сакута, — сказала она, поворачиваясь к нему. На лице читалось недовольство.

— Что?

— Почему ты так далеко позади?

— Ты сказала мне следовать за тобой.

Она глубоко вздохнула.

— Обычно я бы восприняла это как одну из твоих шуток, но ты сейчас серьезно?

В ее глазах чувствовался небольшой упрек. Взгляд говорил: «Возьми себя в руки, Сакута».

— Ощущение, словно я все еще сплю, — пробормотал он. Неубедительное оправдание.

— ...

— Ты правда здесь, Сёко?

Не сказать, что он не верил своим глазам. И не сказать, что он не верил ее словам. Просто этого было недостаточно, чтобы его страхи исчезли. Он не мог прогнать мысль о том, что она исчезнет, стоит ему моргнуть. Это сильно его тревожило. Сакута слишком хорошо знал, как дорогие ему вещи могут просто ускользнуть из рук... а потом его приводила в ужас вероятность потерять кого-то еще.

— Разве, я не выгляжу настоящей?

— ...Я не уверен.

— Понятно.

Он не знал, что ей понятно.

— Давай, — сказала Сёко, разводя руками. — Убедись в моей реальности.

— ...

Сакута молча, шаг за шагом стал подходить к ней. И обвил ее рукам так, будто это было самым естественным действием в мире.

— !

Сёко выразила беззвучное удивление. Сакута был не в состоянии ответить. Он чувствовал, как она прижимается к нему. Его руки обвивали ее стройное тело. Она казалась такой хрупкой. И при этом не была миражом, и не исчезла, стоило ему коснуться ее. Сакута чувствовал ее вес. Она была цельной и осязаемой. Обняв Сёко, у него пропало желание отпустить ее.

— Тебе не следует принимать шутки всерьез, — прохрипела она.

— Сегодня у меня нет чувства юмора.

Он начал чувствовать ее тепло. Ее мягкую кожу. Равномерное биение сердца... Сердца, что подарила ей Май.

— На тебя это не похоже, Сакута.

— Тем не менее, это все еще я.

— Это меня и беспокоит.

— ...

— Что мы будем делать дальше, Сакута? — сказала Сёко небезразличным голосом.

— Спасать Май?..

— Неправильно, — сказала она до того, как он успел договорить.

— Как неправильно? — спросил он, рефлекторно начав сжимать кулаки.

— Так, Сакута, если ты сожмешь меня еще сильнее, то это уже можно будет расценить как измену!

Она использовала тон, которым обычно ругают детей, и Сакута наконец отпустил ее. Он сделал шаг назад.

— Как неправильно? — спросил он вновь.

Сакута смутно осознавал, что его голос звучит раздраженно. Опять же, как у ребенка.

Он спрашивал только то, что сейчас имело для него значение. Они шли спасать Май. Сакута последовал за Сёко только ради этой цели.

— Все неправильно. Абсолютно.

— Тогда что мы делаем?

Он начал немного злиться. Может быть, его умершие эмоции стали вновь возвращаться к жизни. Сакута был слегка удивлен, что в нем их осталось так много. Но сейчас для него это было неважно.

— Сакута...

— ...

— Ты встретишься с своей возлюбленной.

— !..

— Ты осчастливишь свою возлюбленную.

— ...

Он не мог говорить. Удивление вскоре пропало. Все, что осталось – понимание, которое впитывалось в него, словно вода в губку.

— А раз в тебе сегодня нет чувства юмора, то как ты осчастливишь Май?

— ...

Слова Сёко были абсолютной правдой, потому Сакута не мог ничего ответить.

Вот что на самом деле значило спасение Май. Что он действительно хотел сделать. Не просто спасти ее жизнь. Его цели были куда дальше. И Сёко объяснила это словами, которые понял бы даже ребенок.

Так что у него больше не было времени на панику. Или на страх. Он должен был быть спокойным и собранным. Быть готовым ко всему.

Но сказать легче, чем сделать. Его цель явно не простая. Но Сакута не считал ее достижение невозможным. Сказать «я не могу» нельзя. Потому что он знал девушку, которая справилась с подобным улыбаясь.

И она стояла прямо перед ним.

Сёко – живое доказательство того, что как бы не был труден твой путь, ты можешь его пройти. Тепло ее улыбки спасало его вновь и вновь. И делало то же самое сейчас.

И знание этого означает, что он не должен клеймить свою цель невозможной. Не может.

— Сёко, ты невероятна, — сказал он, пытаясь подобающе улыбнуться. Но для него это было все еще тяжело. За последние несколько дней его щеки затвердели как бетон.

Сёко выглядела удивленной — Ты сдал, сказала она. — Хоть и еле как.

— Ты дала мне поблажку.

— Я всегда была мягка с тобой. Ты только сейчас это узнал?

— Нет, всегда знал. С момента нашей первой встречи.

Сёко улыбнулась с некоторой неуверенностью. Та Сёко, с которой он сейчас разговаривал, была Сёко из другого будущего. Ее реакция дала ему осознать, что будущее действительно изменилось. Болезненное напоминание о том, что его ожидало то будущее, в котором более не существует Май. Но эта боль была сильной мотивацией.

— Итак, куда я следовал за тобой?

— Мы уже пришли.

Сёко посмотрела вверх на табличку. На ней было написано «Кабинет медсестры».

Кабинет, естественно, оказался пустым.

Флуоресцентные лампы были выключены. Им приходилось довольствоваться светом от машин, едущих по шоссе 134, уличных фонарей, огнями домов и сиянием луны.

— Почему здесь? — поинтересовался Сакута.

Сёко обошла кабинет, исследуя его. В какой-то момент она заглянула в стеклянный шкаф, заполненный медицинскими принадлежностями.

— Потому что нам понадобится кровать.

— ...

— Ох! Неужели ты начал думать о чем-то бесстыдном?

С озорной улыбкой она подошла к кровати.

— Не особо в настроении для этого... — сказал Сакута.

— Так не весело! — сказала Сёко, явно не это имея в виду. Она села на кровать, достала напитки, которые купила в магазине, и поставила их на прикроватную тумбочку. Затем вытащила бумажные стаканчики и налила в два из них.

Сакута все еще неподвижно стоял в центре комнаты, так что она поманила его, похлопав

рядом с собой по кровати. Явный намек на то, что ему стоит сесть.

— Разве кровать - машина времени? — спросил он, сев рядом.

— Вот теперь ты больше похож на себя, — сказала она, усмехнувшись. — Нет. К несчастью, тут нет машины времени.

Она вручила ему бумажный стаканчик. Он много бегал и плакал, так что его мучала жажда. Он принял напиток и залпом выпил его. Сакута почувствовал вкус сливы с послевкусием жжения.

— ?! Сёко, это...

— Сливовая газировка для взрослых, — сказала она, улыбаясь.

Она спрятала пустую банку в пакет. Он не видел нужды узнавать, что это. Сакута уже выпил напиток, и, учитывая обстоятельство, это не более чем безобидная шутка. Ему надо было подумать о более важных вещах. Нужно было о многом спросить. Он наконец-то начал приходить в себя. Наверное, им пора приступить к сути дела.

— Так как мне попасть в прошлое?

Если он собирается чего-то добиться, то им для начала надо уладить эту проблему. Он не может спасти и осчастливить Май, не вернувшись назад во времени.

— Прошлое всегда прямо позади нас.

— ...

— Прямо здесь или здесь, — сказала Сёко, указывая куда-то пальцем. Рио уже когда-то говорила ему нечто подобное, так что он не стал задавать вопросов.

— Но обычно его не увидеть, не дотянуться и не пощупать рукой, — добавила она.

— Я могу видеть и касаться тебя, Сёко.

Она оставила его слова без комментариев.

— Обычно мы можем воспринимать настоящее лишь так. Мы не осознаем прошлое и будущее вокруг нас.

— ...

— И трудно увидеть то, присутствие чего не знаешь.

Но именно это Сёко когда-то и делала. Причем много раз.

— Но ты, Сакута, уже знаешь, что прошлое и настоящее не так уж и далеки. И что я пришла из будущего.

Он знал. Знал это все. Но простое знание этого не делало путешествие во времени возможным. Иначе любой знающий правду мог бы это делать.

— Все это относится только к тебе? — спросил он. — Подростковый синдром сделал это возможным.

Он был причиной всего этого.

Сёко отвергла будущее, и ее подростковый синдром, по иронии судьбы, позволил ей попасть в это будущее. Ее нежелание взрослеть замедлило ее восприятие мира. Но с точки зрения относительности, чем медленнее идет время, тем быстрее вы движетесь. И в результате Сёко, которая не хотела взрослеть, повзрослела быстрее, чем Сёко, которая хотела повзрослеть.

— Верно. Думаю, что все именно так. Но даже это не объясняет моего нахождения здесь.

— Не объясняет?

— У маленькой меня развился подростковый синдром из-за страха перед будущим. В конце концов, она физически не могла вырасти без пересадки сердца.

Ее глаза были устремлены на него, словно что-то говорили ему.

— Так... нынешней Сёко Макинохаре уже сделали пересадку? — спросил он.

Если это так, то она права. Будущей Сёко нет смысла находиться здесь в конкретно данный момент.

— Да.

Ее взгляд тоже это подтверждал. Она говорила медленно, словно пыталась достучаться до него.

— Я проснулась после операции... утром двадцать седьмого декабря.

— ...

Ему не было нужды смотреть на часы. Настал следующий день. Двадцать восьмое декабря. Солнце уже зашло. Страхи маленькой Сёко перед будущим должны были разрешиться, вместе с пересадкой сердца. Основная причина ее подросткового синдрома должна была устраниться.

— Тогда почему ты здесь?

Подростковый синдром маленькой Сёко исцелен, так что, если судить по логике, старшей Сёко здесь быть не должно. Но она была.

— Я считаю, что воспринимаемое нами настоящее, на самом деле будущее, — сказала Сёко.

— ...

Ему потребовалось немного времени, чтобы обдумать сказанное ею.

— Прямо сейчас мы находимся в будущем, — сказала Сёко. — Мы можем стоять здесь и разговаривать, но это не настоящее время.

— Этого не может...

— И тот, кто делает это... это ты, Сакута.

Не в состоянии осознать это, он просто уставился на нее.

— ...Сёко, что?..

Это, должно быть, какая-то глупая шутка. Но Сёко выглядела полностью серьезной. Ни единого признака ее частых поддразниваний. Она продолжала смотреть на него и спокойно говорила.

— Ничего не напоминает?

— ...Как могло?..

Он умолк. Отрицать это должно было быть легко. Но не ему. Возможно, часть его уже понимала это.

— Как и у маленькой меня, часть тебя отвергает будущее.

Лишь одна вещь могла заставить его делать это. И Сёко осторожно подводи́ла Саку́ту к ней.

Впереди проблеснул лучик ответа.

Далеко впереди.

В глубине его сердца.

Он прищурился, и ответ начал обретать форму.

Она была права.

Он отверг будущее.

Всеми своими силами.

Он даже знал когда.

В тот момент, когда узнал, что в груди старшей Сёко бьется его сердце.

Когда Май узнала...

«Выбери будущее со мной».

Когда Май сказала это...

«Останься со мной».

Когда Май разрыдалась на станции.

«Я хочу жить».

Когда он разговаривал со старшей Сёко, позволив волне эмоций захлестнуть себя.

Саку́та надеялся, что 24 декабря – судный день – никогда не настанет. Он знал, что должен найти правильный ответ, но все это время боролся с нежеланием делать это. Он пытался одолеть часть себя, которая не хотела делать выбор, и думал, что смог... но очевидно, что нет.

И если у него проявились те же признаки подросткового синдрома, что и у Сёко...

— ...

— Догадался?

— ...

Он ничего не ответил. Его последние крупницы разума отвергали идею собственного разоблачения подобным образом.

— Я не хочу этого признавать, но нам нужно, чтобы это признал ты. Тебе надо встретиться со слабостью внутри себя. С частью тебя, что отвергает предсказанное будущее.

— Сёко.

— Принятие этой слабости - шаг к признанию того, что ты в будущем. И если это будущее, то ты можешь вернуться в настоящее. Вернуться и спасти Май.

— ...

Он сделал глубокий вдох.

Посмотрел на пустой стаканчик.

Признавая собственную слабость.

Прокрутка этих слов у себя в голове заставила его рассмеяться. Хотя это было больше похоже на хрип.

— Сакута?

— Эта легкая часть.

Он не пытался казаться храбрым, не лгал и не шутил. Сакута говорил об этом искренне. Увидел, что находится внутри него. Представил себя цепляющимся за дно этого стаканчика.

— Я ни за что не смогу смириться с этим. Куда логичнее думать, что оно меня просто злит.

Эта идея была более убедительной. Сакута думал, что справляется со всем лучше, чем ожидал, а потому, когда ему сказали, что это не так, он почувствовал облегчение.

— Эта твоя сторона просто нечто, Сакута.

— Кто бы говорил, Сёко, — сказал он с усмешкой. — Но как именно я попаду в настоящее?

— Логическое мышление диктует, что все видимое тобою – это настоящее. И пока ты заложник такого мышления, у тебя не получится отправиться в другое время, как бы близко оно не было.

— Значит... нужно отказаться от логики?

— Тебе нужно отключить логику и сознание, которые говорят тебе о том, что ты «здесь и сейчас».

— Ты начала говорить как Футаба.

— Ну, неудивительно, ведь все это я узнала от нее.

Сёко выпятила грудь в знак гордости.

— Будущая Футаба выдвинула такую гипотезу.

— Значит, даже в будущем она дает консультации по подростковому синдрому?

Эта было забавно. Ему понравилась мысль об этом.

— Хорошо, так как мне отключить логику и сознание?

Он полагал, что рациональное мышление будет цепляться за него, какие бы доводы он не приводил. Его просто так по желанию выключить не получится. Для этого нет какого-то переключателя. Вера в то, что прошлое и будущее находятся в пределах досягаемости, противоречила логике и в корне казалась невозможной.

— Я тебе об этом уже рассказала.

Она явно хотела, чтобы Сакута подумал самостоятельно. Скорее всего она упомянула это после входа в кабинет медсестры, так как до этого они почти не разговаривали.

«Что же она тогда сказала?» — Он изо всех сил пытался вспомнить.

— ...

Его мозг все еще тормозил, но первая мысль, пришедшая в его голову, звучала как шутка.

— Ты имеешь в виду... уснуть?

— Точно! Лучший способ отключить сознание – уснуть.

— Вот зачем кабинет медсестры.

Он посмотрел на кровать под собой. Только это место в школе подходило для сна.

— Но... Сёко...

— Никаких но!

Сёко пригрозила ему указательным пальцем.

Сакута покачал головой, решив настаивать на своем.

— Даже если я смогу вернуться в прошлое...

Если он спасет Май то, скорее всего, у Сёко не будет будущего. Факт того, что Май могла заменить Сакуту как донора уже был до ужасного маловероятен. Будущее, в котором он спасет Май и останется в живых сам... как в нем сможет выжить Сёко?

Он хотел это сказать, но не мог. Сёко не дала ему этого сделать. Она дотянулась до него рукой и ущипнула за щеку.

— Никаких но.

— ...

— Сейчас тебе ускользнуть от меня не выйдет!

Она снова ругала его. Ее губы были плотно сжаты. Но его взгляд был прикован к ее левой руке, которой она ущипнула его. Блеск на ее пальце. Простое серебряное кольцо. Все его внимание было приковано к нему.

— Ох... — произнесла Сёко, заметив его взгляд. Она быстро убрала руку, накрыв ее другой, практически спрятав кольцо. Ее пальцы прикоснулись к нему. Сёко повертела его на месте, будто вспоминая былые чувства.

Старшая Сёко появлялась много раз, но у нее никогда не было кольца. Но ведь эта Сёко из будущего, где он выжил? И у нее оно было. Значение кольца было понятно. Конечно же, если он изменит настоящее, изменится будущее. Так, например, в Сёко оказалось сердце Май.

— Твое кольцо...

— Всегда хотела выйти замуж, будучи студенткой.

Она усмехнулась, словно пытаясь скрыть неловкий момент. Эта улыбка выдавала счастье ее жизни, которое было словно тепло весеннего солнца. Но за ним он обнаружил нотки грусти.

— Все, что я хочу, Сакута, — сказала она, глядя на океан через окно, — это чтобы единственный мною любимый человек был счастлив. Я хочу, чтобы этот человек улыбался. Даже если его улыбка будет предназначаться не мне.

— ...Сёко.

Услышав свое имя, она повернулась и вновь улыбнулась.

— Я очень настойчива.

— ...

— Пока ты не станешь счастлив, я буду возвращаться из любого будущего вновь и вновь, чтобы помочь тебе.

За лукавой улыбкой скрывалась решимость. Она не была властной, но в ней таилась неоспоримая сила. Эта сила чувствовалась в ее словах и действиях.

— Так что перестань сопротивляться и стань счастлив.

Какие беспощадные слова. Но в то же время это было очень похоже на Сёко.

— ...

— ...

Наступившее короткое молчание прервали звуки проезжающих машин по шоссе 134. Обычно во время занятий Сакута не обращал внимание на них, но в тишине они притягивали к себе внимание.

— Сёко, — произнес он, наконец-то решившись.

— Что, Сакута?

Она дала ему то время, в котором он нуждался. Поэтому Сакута высказал все остальное без колебаний.

— Я осчастливлю Май.

Он сказал это с легкостью.

— Я уверена, что ты сможешь.

— ...

— Только ты можешь это сделать.

— Я должен кое-что тебе сказать.

— ...

Сёко покачала головой. В ее глазах читалось, что ему не было смысла говорить что-либо. Но Сакута не собирался останавливаться.

Сёко заставила его кое-что осознать.

Благодаря чему он смог принять решение.

И ему надо было объяснить ей свое решение.

Возвращение в прошлое даст ему только одно – время. Может он и сможет найти способ не дать Май попасть под колеса автомобиля, но тогда Сёко потеряет своего донора.

И если он хочет сделать Май счастливой, то ему надо выжить тоже. Потеряв Май, он понял, через какое горе она прошла, потеряв его.

Он не может заставить ее горевать.

Поэтому он должен был сказать это.

— Я хочу, чтобы ты жила, Сёко.

Его спокойный голос раздался по кабинету.

— Всем сердцем надеюсь, что Макинохаре сделают пересадку, в которой она так нуждается.

— Хорошо.

— Я молюсь за тебя.

И через короткое время.

— И загадываю это желание звездам.

Он высказал ей свои истинные чувства.

— Я знаю, — сказала она.

— Но я не доктор.

— ...

— И у меня нет суперспособностей или суперсилы.

— ...

— Я всего лишь старшеклассник.

— Но у тебя более стойкие нервы, чем у большинства.

Он слегка усмехнулся. Сакута подумал, что это немного облегчит жизнь им обоим. После небольшой паузы Азусагава продолжил говорить. Он вкладывал все свои чувства в слова.

— Это все, что я могу сделать, чтобы осчастливить Май.

— ...

— Но даже этого не могу сделать правильно.

Сакута умолк, его эмоции подавили голос. Он чувствовал, как на его глазах наворачиваются слезы, но плакать перед Сёко не было правильным решением. Поэтому он пытался их удерживать. Вскинув голову, Сакута ждал, пока пройдет жар внутри его носа. Ему пришлось прибывать в таком состоянии секунд десять.

— Так что, — произнес он. — Это значит лишь одно, Сёко.

— Да.

— Я ничего не смогу сделать для тебя.

Он говорил это, смотря ей прямо в глаза.

Такой путь он выбрал.

Возможно, кто-то обвинит его в эгоизме.

Возможно, кто-то скажет, что он совершает ошибку.

Возможно, кто-то проклянет его за отсутствие совести.

Но Сакута не был против этого.

Эгоистичный, ошибающийся или бессовестный – отлично.

Счастье Май окупит все.

— Сакута, так и должно быть.

Она улыбалась своей привычной улыбкой. Но было лишь одно отличие – ее прекрасная улыбка была мокрой от слез.

— ...Сёко?

— Мм?..

Она лишь сейчас это заметила.

— Почему... Я?..

Сёко вытерла их пальцами.

— Клянусь, я не хотела...

— ...

— Видимо, услышанное... все равно глубоко тронуло меня.

Сёко оправдывалась, явно смущаясь из-за своих слез. Она продолжала говорить, что с ней все в порядке, будто беспокоясь о том, что подумает Сакута. Не казалось, что ей грустно, она лишь смущалась из-за слез.

Она пыталась быть твердой ради него, так что ему захотелось рассказать, что он чувствует.

— ...

Он уже открыл рот, чтобы добавить еще что-то, но все-таки ничего не сказал.

Больше Сакута ничего не мог сделать для нее.

Он уже сказал все, что хотел. Он проглотил извинения и благодарность и просто наблюдал за тем, как Сёко приходила в себя.

Слезы на ее пальцах блестели в лунном свете.

На безымянном пальце левой руки сверкало ее кольцо.

— И последнее, — сказал он, пересилив себя.

— Да?

— Вернувшись в будущее, передай сообщение будущему мне.

— ...

— Скажи: «Сделай свою очаровательную невесту самым счастливым человеком на свете».

— !..

На мгновение Сёко была застигнута врасплох. Благодаря этому Сакута стал уверенным в своих мыслях. Он и так догадывался. Но теперь был уверен, что говорит не с Сёко Макинохарой. Он говорит с Сёко Азусагавой.

— ...Я позабочусь о том, чтобы он это услышал, — сказала Сёко, мягко улыбнувшись сквозь слезы. Они падали с ее щек, больше она не пыталась их вытереть. Теперь это были слезы счастья.

Сёко встала.

— Тебе пора спать, Сакута.

Чтобы вернуться в прошлое, ему нужно отключить сознание. Для этого надо было уснуть. Ему это только что объяснила Сёко.

— С такого случая... я никогда не был уверен, сплю ли я, или же нет.

Он не был уверен, что сможет заснуть.

— Я боюсь, что...

Но зевок прервал его.

Его веки становились тяжелее.

— Все хорошо, — сказала Сёко.

Сакута взглянул на нее.

— Как ты можешь?..

Сёко расплывалась. Ему казалось, что его слова стали. Это не было ненормально.

— Не о чем беспокоиться.

Ее голос был где-то далеко. Она стояла рядом с ним, но слышалось все иначе.

— Сёко?..

— Я добавила снотворного в твой напиток.

— Ох... хорошо... это все объясняет...

Его глаза закрылись, а мир погрузился во тьму.

— Спокойной ночи, Сакута.

Кажется, что-то такое уже случилось с ним, Сакута ощутил, как его разум отправляется в мир грез.

«Для начала, найди того, кто увидит тебя».

Размышляя о значении последних слов Сёко, он отправился в путешествии во времени.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/1998658>